

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПЕРЕХОДНЫХ ЭКОНОМИК: НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ИЗ ОПЫТА БЕЛАРУСИ

С.П.Ткачев,

кандидат экономических наук (г.Минск)

В действующей системе государственных прогнозов социально-экономического развития особое значение придаётся прогнозу на очередное пятилетие – период, охватывающий все основные процессы расширенного воспроизводства. На базе пятилетнего (среднесрочного) прогноза ведутся разработки годовых прогнозов социально-экономического развития с учетом бурно развивающихся глобальных тенденций научно-технического и экономического развития. В этой связи важное значение имеют рассмотрение методологических и организационных основ разработки и оценка накопленного нами опыта работы над среднесрочным прогнозом.

К концу 1995 г. страна стояла перед альтернативой выбора алгоритма реформ – завершился временной период действия Программы неотложных мер (на 1994–1995 гг.), благодаря реализации которой удалось приостановить обвальный спад производства, снизить уровень инфляции и дефицит государственного бюджета. Вместе с тем, хотя падение производства и замедлилось, но все же продолжалось, увеличивалась безработица. Поэтому встал вопрос, как все же выстраивать алгоритм дальнейшего экономического развития: обеспечить финансовую стабилизацию за счет резкого ужесточения денежно-кредитной политики и ограничения покупательной способности и на ее основе ожидать в перспективе экономического роста или же пойти на то, чтобы добиваться прежде всего положительной экономической динамики и уже на этой основе обеспечивать финансовое оздоровление экономики.

Насколько самодостаточны вышеназванные подходы? Какова разумная мера интенсивности (скорости и глубины) преобразований? Какими должны быть последовательность и комбинация реформационных мер?

Поступавшие рекомендации и предложения сводились к одному направлению: снимите государственное регулирование и наблюдайте, как рыночная экономика возродится из пепла и наша экономика без государственного

вмешательства самостоятельно будет эволюционировать в сторону цивилизованного состояния. Для этого необходимо только предпринять решительные шаги в продолжении реформ: сплошная приватизация без всяких ограничений, обеспечение полной либерализации цен и внешнеэкономической деятельности, проведение реальной процедуры банкротства. «Не умеешь работать – разорься! Освободи дорогу другим» [1. С. 1].

В первые годы реформирования (1992–1994 гг.) расстановка приоритетов как раз это и предполагала. Главное – изменить институционально-государственную среду, быстро приватизировать государственную собственность, ликвидировать директивную плановость развития, создать простор для предпринимательства, открыть экономику для свободных внешних заимствований и т.п.

Что же касается экономического роста, то он ожидался лишь как следствие такого рода «прогрессивных» структурных сдвигов, осуществляемых на базе рыночных саморегуляций.

Вместо показателей уровня жизни, объема производства, научно-технического прогресса и экономической эффективности в качестве оценочных предлагались: количество приватизированных предприятий, снижение уровня инфляции, таможенных тарифов, доля свободных цен.

Своеобразие проводимой в тот период реформы состояло в том, что она осуществлялась под влиянием определенного стандарта системных преобразований. Отсюда она была подчинена созданию «идеальной» формы системы, а не ее содержанию и результативности. Авторами таких модельных реформационных проектов являлись прежде всего эксперты Международного валютного фонда.

Макроэкономическая политика по рецептам МВФ сводится к принципам концепции «Вашингтонского консенсуса»¹ (модифициро-

¹ Доктрина так называемого «Вашингтонского консенсуса» была разработана в 80-е годы по заказу междуна-

ванная для посткоммунистических стран в форме политики «шоковой терапии») и содержит три постулата: либерализация ценообразования, внешнеэкономической деятельности и валютного рынка; приватизация (госсектора); стабилизация посредством жесткого формального планирования денежной массы. Причем МВФ придает им соответствующие количественные значения, достижение которых увязывается с перспективой получения от них кредитов. Но ведь реформы важны не сами по себе, не достижением какого-то формально важного с точки зрения той или иной научной концепции показателя. Они предполагают такие общественные преобразования, которые направлены на улучшение работы государственных и общественных систем и, в конечном счете, на улучшение условий жизни граждан. В любом случае, при любых обстоятельствах результатом реформ должны быть прогрессивные изменения, создание нового качества жизни.

Либерализация экономики, предпринятая после 1991 г., без существенной трансформации экономических основ монопольных структур, при отсутствии положительной системы антимонопольного регулирования и контроля не могла не привести к сокращению

родных финансовых организаций и американского экономического истеблишмента как набор рекомендаций по практическому проведению экономической политики в слаборазвитых странах и «выбиванию» из них долгов.

Согласно модели «Вашингтонского консенсуса», государственное регулирование в любой форме считается не просто излишним, но и вредным, нарушающим естественный ход рыночной саморегуляции. Теоретической основой этой доктрины являются неоклассические схемы достижения экономического равновесия, а идеологической – радикальный либерализм, базирующийся на трудах Нобелевского лауреата Ф. Хайека. Именно им разработаны ключевые идеи экономического спонтанного порядка, так же как и концепции рационального поведения «экономического человека». Как известно, Ф. Хайек допускает и спонтанное развитие правового порядка через рынок со всеми вытекающими отсюда последствиями – вплоть до его «естественной криминализации», которая, по его мнению, в некоторых случаях становится наиболее эффективным путем развития фирм и мировой торговли.

Основным принципом политики «свободной» экономики является то, что политическая власть государства должна быть минимизирована настолько, насколько только возможно. В этой связи управление экономикой сводится, практически, только к манипулированию денежной массой (эмиссией, ставками налогов, процентными ставками, резервными требованиями, использованием других денежных агрегатов и инструментов), а об остальном уже позаботится «невидимая рука» рынка (Никовская Л.И. Экономическая политика России в переходный период // Белорусский экономический журнал. 2000. № 4).

объема производства и гиперинфляции. Когда производственная или сбытовая единица не испытывает конкурентного давления или контроля и цена становится объектом управляющих воздействий такого субъекта хозяйствования, последний превращается в монополиста. И чем больше у него свободы в вопросах ценообразования, тем меньше на рынке товаров и выше их стоимость. С позиции монополиста это эффективная и рациональная политика достижения коммерческих успехов. Поэтому, если конкуренция ограничена, на переднем крае регулирования цен и контроля за их движением должно находиться государство².

Кроме того, нам необходимо было иметь в виду, что экономика периода существования СССР (тем более после разрушения единого

² В целом государственное управление ценами осуществляется с учетом трех факторов: динамика инфляции, наличие или отсутствие на рынке конкуренции, социальная значимость тех или иных товаров.

Во время энергетического кризиса 70-х годов правительством Франции было решено возложить основную тяжесть негативных последствий кризиса не на потребителя, а на предприятия. Производители тогда платили более высокую цену за нефть и не разрешили предприятиям повышать цены на продукцию. Государственному контролю подвергались все цены (особенно на товары из импортного сырья и компонентов, доля которых в балансе потребления ресурсов превышает во Франции 20%). Примерно аналогичным образом ситуация повторилась в 1999–2000 гг.

Относительно взаимосвязи цен и конкуренции принята такая логика: там, где есть конкуренция, контроль за ценами не нужен, их формирование должно происходить свободно. Руководствуясь таким подходом, государство регулирует цены на все энергоносители, общественный транспорт, телефон, тарифы на проезд по автодорогам и некоторые другие товары и услуги, если они производятся монопольными продавцами или у потребителей нет вариантов для выбора (например, проезд по автодорогам).

Сказанное не означает, что формирование цен на все остальные товары и услуги происходит вне контроля и влияния государства. В этих целях применяется комплекс мер. В их числе – прямое ограничение цен на некоторые виды продукции. Масштабы экономического регулирования цен зависят от уровня стабильности экономики, а также от степени вмешательства государства в макроэкономические процессы. Так, в США государство регулирует около 10% цен, а в Австрии, Швеции – до 50%. При обнаружении явных нарушений обязательств финансовые органы прибегают или к блокированию цен, т. е. к установлению контроля за финансово-хозяйственной деятельностью предприятий, или налагают на них штраф, который взыскивается в судебном порядке.

Однако мировой опыт однозначно свидетельствует о том, что в критических ситуациях влияние государства всегда должно быть максимальным – от регулирования цен до их замораживания, с очень жестким контролем, вплоть до уголовной ответственности (Ионов М. Роль государства в экономике // Экономист. 1995. № 8. С. 18; Калмыков Ю. Регулирование экономики (опыт Франции) // Плановое хозяйство. 1990. № 9).

Это все особенно актуально для нынешнего состояния нашей экономики.

государства) не обладала свойствами рыночной самоорганизации. «Достаточно жесткая корреляция между структурой цен и технологической структурой производства – это объективное свойство экономики. Нельзя трансформировать систему цен вне связи с технологическими сдвигами, движением эффективности и издержек», – отмечал еще на заре реформ, проводимых с конца 1991 г., академик Ю.В. Яременко [2. С. 6]. Экономическая система должна была пройти путь предварительной структурной подготовки либо сделать параллельные шаги в строительстве рыночных отношений и структурной трансформации. Речь идет о разумном компромиссе между целями преодоления кризиса и достижения в перспективе эффективного экономического роста на базе зрелых рыночных сил. Согласование этих целей возможно только на основе системы экономического управления, сочетающей централизованное воздействие на отдельные структурные процессы и рыночное саморегулирование. Поэтому структурная политика не может осуществляться с помощью только финансовых мер. Отсюда структурно-технологические преобразования – столь же важный компонент экономического реформирования, как и институциональное строительство.

При отсутствии этих условий неэффективная конкуренция ведет к нарушению регулирующей роли рынка. Возникает парадоксальная ситуация, когда наиболее эффективные предприятия оказываются наименее прибыльными. Причем такое неравенство самым депрессивным образом сказывается на экономическом развитии, подавляя всякие стимулы для инвестиций и реализации технологических инноваций. Рынок перестает быть ориентиром для всего народного хозяйства, теряется возможность воздействия на экономические процессы.

Поэтому всеобщая либерализация цен в таких условиях есть имитация борьбы за равновесие. Она не ведет к цели, так как структура общественного производства не изменяется. Популистское толкование рыночного равновесия, когда ценой равновесия называется цена, при которой нет очередей, не могло не потерпеть полного фиаско. Ведь такому определению отвечает любая цена спроса, в том числе монопольная. В такой среде наивно надеяться на то, что свободные рыночные меха-

низмы смогут обеспечить изменения экономических макропропорций.

Можно ли в наших условиях бороться с инфляцией только сжатием денежной массы? Конечно, нет. Наоборот, денежная масса всегда будет не излишней, а недостаточной для обслуживания подорожавших товаров. Но почему так упорно настаивают именно на такой форме стабилизации? Один из аргументов связан с трактовкой инфляции. Ее первопричиной называют избыточный денежный спрос. Отсюда строится логика предположений.

Дело в том, что установленная М. Фридманом зависимость между темпами прироста денежной массы и темпами инфляции верна в случае, когда значения темпов роста денежной массы и инфляции усреднены за длительный период (например, десятилетие), и, напротив, нарушается, если рассматривать годовые или месячные темпы этих показателей. Отсюда некорректность смешения среднесрочных и краткосрочных целей стабилизации даже с позиций монетаризма [3. С. 251]. Применяемая МВФ концепция монетарного таргетирования для краткосрочных целей стабилизации противоречит самой монетарной парадигме, которая критикует все формы оперативного регулирования экономики монетарными средствами из-за хорошо известных «длительных и разнообразных лагов».

Политика реформ в русле принятой стратегии финансовой стабилизации и борьбы с инфляцией сугубо монетарными методами привела к формированию особого типа долговой и высокорисковой экономики, где все должно всем и все вместе должны Западу и международным финансовым организациям. Эта предложенная МВФ модель развития, в принципе, закрывает перспективы, связанные с оживлением производства и инвестиций, структурными реформами и тем более со стратегией и программами постиндустриального развития, препятствует созданию социально ориентированного рынка по модели индустриально развитых стран.

Если в нормально сложившейся системе наличие тех или иных явлений сигнализирует о необходимости соответствующих действий, направленных на обеспечение ее возврата к устойчивому, равновесному состоянию, то в переходной экономике, наоборот, должна сохраняться определенная неустойчивость, с тем

чтобы обеспечить постепенный переход к другой экономической системе. Неравновесность системы – необходимое условие ее развития. В этой связи макроэкономическая политика по рецептам МВФ, сводящаяся главным образом к достижению финансовой стабилизации, по своей сути является блокирующей развитие переходных экономик.

Вторым из важнейших оценочных показателей МВФ, характеризующим процесс реформирования, является создание широкого класса собственников, сохозяев, ибо, по их мнению, собственник будет работать на своем предприятии более эффективно, чем при общественной, или «ничейной», собственности. Но, как представляется, это далеко не так³.

Перемены в формах собственности, даже самые радикальные, также не в состоянии вывести экономику из кризиса и структурно преобразовать ее. Смена форм собственности не может предшествовать созданию рыночной структуры. Увеличением числа собственников не удастся решить проблему ускоренного создания рыночной среды, как и преодолеть монополизацию производства. Более того, если в экономике пытаться слишком поспешно повсюду насаждать частную собственность через массовую приватизацию, то она быстро сконцентрируется там, где есть экономическая власть.

Примером может служить российская массовая приватизация, в результате которой возникла мощнейшая финансовая олигархия. По этому поводу Дж. Стиглиц отмечал, что проведенная приватизация без создания условий для конкуренции порождает носителей группы интересов (они уже имеются сегодня), которые пытаются воспрепятствовать любой конкуренции и помешать развитию конкурентной рыночной экономики. «Огромные рентные доходы, возникающие при приватизации, способствуют тому, что предприниматели предпочитают получать контроль над приватизированными предприятиями, а не инвестировать в создание своих собственных фирм. На-

³ Если рассматривать распределение собственности (имеется в виду не вся собственность, а средства производства) в странах Запада, то легко заметить, что там от 70 до 90% неспособного населения являются наемными работниками, не имеющими собственности. И говорить об их собственности при наличии небольшого числа акций и дивидендов, составляющих менее 10% их годового заработка, просто несерьезно.

против, политика содействия конкуренции нередко уменьшает конкурентные доходы и усиливает стимулы к созданию богатства» [4. С. 24]. Поэтому, как он считает, было ошибкой отдавать приоритет вопросу о собственности, недооценивая все, что связано с конкуренцией. В этой связи еще более категоричный вывод по итогам приватизации сделал Дж. Неллис: «Определенную ответственность за столь неблагоприятный исход должны нести и международные финансовые организации, поскольку они просили или требовали, чтобы правительства стран с переходной экономикой осуществляли быструю широкую приватизацию» [5. С. 18].

Еще одно требование МВФ – полная открытость и либерализация внешнеэкономической деятельности – могло привести к разрушению отечественной промышленности.

Следование рекомендациям МВФ и другим либеральным рецептам в проведении экономических реформ в Беларуси содействовало тому, что в 1994 г. объем промышленного производства к уровню 1990 г. составил 67%, ВВП снизился на 28%, капитальные вложения – на 43%.

Таким образом, движение республики к рынку по монетарным рецептам, совершенно не соответствующим уровню нашего развития, научно-техническому и природному потенциалу, традициям и опыту, обернулось для Беларуси (впрочем, как и для абсолютного большинства новых государств, входящих в СНГ) невиданным для мирного времени экономическим кризисом. Отсюда можно сделать следующие выводы.

1. Рыночные реформы не могут осуществляться по единой, в данном случае монетаристской, модели и должны модифицироваться в зависимости от исторического наследия страны, конкретной ситуации, в том числе и при значительной регулирующей роли государства.

2. Если одни и те же меры экономической политики приводят к сходным результатам, то из этого следует лишь то, что страны обладают высокой степенью тождественности экономических систем. Однако это еще вовсе не свидетельствует, что действие экономических законов универсально. Поэтому подходы к решению тех или иных проблем и применяемые инструменты не могут быть обязательно одинаковы для Африки, Европы или Азии.

Соответственно и методы реформирования этих экономик, и политика экономической стабилизации должны обладать весьма существенной спецификой.

Финансово-экономический кризис 1997–1998 гг., охвативший прежде всего государства Восточной, Юго-Восточной Азии и России, заставил ряд известных экономистов, в том числе бывшего главного экономиста Всемирного банка Дж. Стиглица, проанализировать результаты реформирования экономик в бывших социалистических странах и республиках СССР. В статье «Многообразные инструменты, шире цели: движение к пост-Вашингтонскому консенсусу» по этому поводу он пишет, что каким бы ни был новый складывающийся консенсус, но «его принцип совершенно ясен – он не может базироваться в Вашингтоне. Если мы говорим о долгосрочной политике, то ее разработка должна осуществляться развивающимися странами» [4. С. 34].

В качестве парадигмы скорректированного курса реформ нами был выбран рост спроса, который, как это предполагалось, в свою очередь начнет порождать предложение, что и даст толчок развитию производства.

Идея обеспечения роста спроса основывается на экономической модели Дж. М. Кейнса, базовой основой которой является занятость рабочей силы. Причем уровень занятости он связывал с «эффективным спросом», который и определяет уровень производства: чем выше уровень «эффективного спроса», тем выше уровень производства, а следовательно, и уровень занятости. При этом экономика работает ритмично, без спадов и конвульсий, обеспечивается занятость рабочей силы, выше заработная плата как основа обеспечения потребностей населения в товарах и услугах. Тут будет уместно привести слова почетного профессора Бирмингемского университета М. Кейзера о том, что «если расходы, призванные стимулировать учтенную экономику, превышают сумму доходов и кредита государства, правительства смогут прибегнуть к некоторой умеренной денежной эмиссии. Поскольку спасение от кризиса редко идет по обычному пути, правительства могли бы подумать о временном пути, проложенном первопроходцами, придерживающимися учения Кейнса, а не Чикагской школы» [7. С. 27].

В конечном итоге только «потребление является единственной целью всякого производства, а интересы производителей заслуживают внимания лишь постольку, поскольку они могут служить интересам потребителя. Положение это настолько самоочевидно, что было бы нелепо пытаться доказывать его» (А. Смит), «общество в целом не может создать условия для будущего потребления с помощью одних лишь финансовых операций, оно может сделать это только путем расширения физического объема текущего потребления». В этом смысле «всякое производство имеет своей конечной целью удовлетворение потребностей» [6. С. 168, 218; 8. С. 478].

Таким образом, был сделан вывод, что экономический рост в Беларуси необходимо стимулировать незамедлительно, а не тогда, когда экономика окончательно стабилизируется. Настоятельно рекомендуемая последовательность «вначале стабилизация, затем экономический рост» недоказуема. Отсюда ключевой вопрос, который на ближайшие годы встал перед нами, – обеспечение стимулирования экономического роста.

Конечно, речь не идет об отрицании в целом необходимости контроля за инфляцией, как наиболее важным элементом стабилизационных мероприятий, предлагаемых в рамках «Вашингтонского консенсуса». Но проблема состоит в том, что цена снижения инфляции оказывается слишком высокой против какого-то порогового значения, и в этой связи необходимо найти какой-то минимально допустимый ее пороговый уровень, совместимый с устойчивым ростом (для каждой стадии социально-экономического развития переходных экономик).

Упрощенный подход по принципу «чем меньше инфляции, тем выше темпы экономического роста» [9. С. 5] критикуется рядом экспертов, включая тех, кто работает во Всемирном банке. В частности, этой точки зрения придерживается Дж. Стиглиц: «Односторонний упор на борьбу с инфляцией может не только внести искажения в экономическую политику, не позволяя стране полностью реализовать свой потенциал роста и промышленного производства, но и способствовать институциональным изменениям, уменьшающим экономическую гибкость хозяйства, не прино-

ся в то же время важных выгод, которые может обеспечить экономический рост»; «борьба за снижение и без того низкой инфляции вряд ли приведет к ощутимому улучшению функционирования рынка» [4. С. 11]. Более того, Дж. Стиглиц явно разделяет выводы тех исследователей, которые считают, что умеренная инфляция может даже в большей степени способствовать экономическому росту, чем ее отсутствие.

На основании эмпирических сопоставлений и расчетов бывший вице-президент Всемирного банка М. Бруно показал, что существуют пороговые значения инфляции. В частности, ежегодные темпы инфляции до 20–40% могут позитивно коррелировать с экономическим ростом [10. С. 22]. Более того, «даже если высокоинфляционный кризис становится импульсом к началу корректирующих реформ, следует искать пути к достижению экономического роста, характеризующиеся меньшими социальными издержками» [10. С. 29].

Вообще, обеспечение стабилизации экономики, тем более в условиях спада производства, неизбежно означает известное закрепление той структуры производства, от которой общество должно уходить, т. е. устойчивость экономики, обеспеченная таким образом, в известной мере противоречит задачам переходной экономики.

«Одной из главных целей экономической политики должно быть ограничение или предотвращение глубоких экономических спадов <...> Социально-экономическая цена таких спадов может оказаться разорительной: ломается уклад жизни, распадаются семьи, увеличивается число бедных, снижается жизненный уровень населения, что при неблагоприятном развитии событий способно привести к политическому и социальному хаосу», – пишет Дж. Стиглиц [4. С. 13].

Кроме того, на этапе восстановления принципиально важным является достижение не открытости и либерализации внешнеэкономической деятельности, как это рекомендует МВФ, а наоборот, ограничения степени открытости экономики. Ведь стратегические перспективы развития экономики во многом будут определяться тем, насколько удастся направить ресурсы на стимулирование спроса по Кейнсу и доходы экономических агентов на внутренний рынок, и прежде всего на инвес-

тиции. Только тогда, когда экономика достигнет устойчивого развития, нарастит собственную базу конкурентоспособных технологий и будет готова равноправно сотрудничать с мировым сообществом, – позволительна и необходима более широкая открытость. В противном случае это означает сознательный отказ от полного и эффективного использования возможностей своей экономики, что в свою очередь влечет за собой сужение рынка труда, следовательно уменьшаются возможности наращивания конечного потребления и повышения жизненного уровня населения.

Вот почему вхождение экономики страны в мировую экономику должно, в принципе, происходить последовательно, шаг за шагом, для того чтобы сначала защитить отечественного производителя, дать ему шанс подготовиться к соревнованию как с западными, так и восточными конкурентами.

Изложенные выше подходы были положены в основу разработки Основных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь на 1996–2000 гг. При этом предполагалось перейти от построения экономики по упрощенной монетаристской модели к политике, предусматривающей на первом этапе эффективное использование части простаивающих производственных мощностей.

Предлагалась, на первый взгляд, логически парадоксальная идея построения экономической политики посредством интеграции двух, казалось бы не поддающихся сочетанию, условий. С тем чтобы содействовать росту наиболее прогрессивных и эффективных форм, способных служить самостоятельным источником «прорыва», намечалось восстановить прежде всего заведомо более отсталые традиционные экономические структуры (отрасли обрабатывающей промышленности, сельское хозяйство).

Таким образом, до перехода к политике обеспечения устойчивого экономического роста намечалось пройти предварительный этап восстановления. А это уже разные процессы, которые требуют соответствующих макроэкономических, институциональных и даже политических решений.

Вместе с тем очень важным на первом этапе выхода из кризиса является выбор приоритетов развития. Нереально надеяться на

стабилизацию и подъем одновременно всех отраслей народного хозяйства. Проблемы подъема производства решаемы лишь при опоре на тщательно выбранные «точки роста». Но каковы критерии определения подобных «точек роста» или «локомотивов», призванных стать приоритетными объектами экономической политики и системы антикризисных действий?

Прежде всего внимание было обращено на виды производства, сохранившие относительно прочные позиции на внутреннем и особенно на внешних рынках, пользующиеся достаточным спросом. Причем предпочтительны те, которые могут распространить инерцию своего подъема на максимально широкие народнохозяйственные зоны, т. е. обладающие мультипликативным эффектом – вызывающие рост сопряженных отраслей.

Однако существовало и существует до сих пор немало разного рода проектов относительно выбора секторов белорусской экономики, способных обеспечить экономический прорыв, которые, следовательно, необходимо поддерживать в первоочередном порядке.

Значительная часть экономистов и политических сил выдвигала в качестве приоритетного направления стимулирование научно-технического прогресса. Однако для развертывания высокотехнологичного наукоемкого производства (на продукцию которого в условиях кризиса спрос крайне низок) необходима мощная поддержка. Ведь такое направление развития должно предполагать подготовку кадров рабочих и менеджеров должной квалификации, поиск «ниш» на внутреннем и внешнем рынках (что потребует времени), а также большие затраты (валютная поддержка, так как без закупок зарубежных технологий и специфических материалов тут не обойтись). При этом успех здесь не гарантирован.

Кроме того, по природе своей наукоемкие производства не предполагают интенсивного взаимодействия с сопряженными отраслями, а значит, мультипликативный эффект их подъема не способен преодолеть инерцию падения всей экономики.

Отсюда ставка на высокие технологии, наукоемкую продукцию действительно правомерна, но только в стратегическом, долгосрочном аспекте. Реализация же этой линии возможна лишь после выхода из глубокого

спада, когда производство получит импульсы развития и начнет набирать обороты, когда в полной мере будут использованы более дешевые и доступные средние технологии. Тогда придет время подключать новые «локомотивы подъема» – отмеченные наукоемкие, высокотехнологичные производства. В этом, собственно, будет состоять особенность второго этапа, заключающегося в исчерпании резервов роста, использовавшихся на первом этапе, и переход на инновационный, интенсивный путь развития. Но это уже проблемы Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 гг.

В качестве приоритетов развития первого этапа были выбраны три: экспорт, жилье, продовольствие.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что сам факт выбора в качестве приоритета государственной экономической политики жилищного строительства связан не только с решением чисто социальной проблемы. Жилищное строительство⁴ рассматривалось как своего рода «локомотив», который способен вывести экономику из кризиса, так как сохраняет и создает сотни тысяч рабочих мест в строительном комплексе, в смежных и сопутствующих отраслях, отсюда растет фонд заработной платы, растут отчисления в бюджет и в результате – покупательская способность субъектов хозяйствования и населения. Потенциальный мультипликативный эффект здесь может быть огромным.

Кроме того, выбор этого приоритета в решающей степени связан также с тем, что даже использование эмиссионного инвестиционного кредитования жилищного строительства вызывает замедление скорости оборота денег относительно других возможных каналов его использования, рост покупательной способности.

Вместе с тем необходимо учитывать, что переориентация материальных, финансовых и людских ресурсов в пользу каких-то определенных экономических подсистем, имитиру-

⁴ Одним из парадоксов «нового курса» Ф. Рузвельта был огромный размах капитального строительства (дорог, мостов, каналов и других инженерных сооружений), которое в критические 30-е годы осуществлялось в США гораздо активнее, нежели в благополучные, 20-е. В этом же ряду находилась программа строительства жилья, благодаря которой только отремонтировано было около 1,5 млн домов (Россия-2015: оптимистический сценарий / Под ред. Л.И. Абалкина. М.: ММВБ, 1999. С. 333).

ющих развитие, приводит к определенному сокращению других производственных программ. Таким образом, это развитие углубляет противоречия и диспропорции динамики производства в других экономических подсистемах.

Реализация новых комбинаций в экономике требует свободных денежных средств. Откуда они могут взяться? В такие моменты развития особое значение приобретает функция банков по созданию денег. В целом, периоды развития, как правило, характеризуются более интенсивным расширением денежной массы⁵. Это, во-первых.

Во-вторых, при использовании эмиссионного кредитования в качестве толчка развития необходимо учитывать, что возможный инфляционно безопасный размер эмиссии будет определяться объективной потребностью в денежной массе со стороны производственной сферы за вычетом той суммы денег, которая переместится на потребление, валютный рынок и в финансовые спекуляции. Поскольку действующий механизм денежного предло-

⁵ Уместно вновь обратиться к опыту «великой депрессии». За день до начала всеобщей фермерской забастовки (13 мая 1933 г.) конгресс США принял Закон о регулировании сельского хозяйства (AAA), который, в частности, содержал «инфляционные» статьи. Тем самым была поддержана идея Ф. Рузвельта об эмиссии денег и о том, что доллар больше не будет привязан к золоту (Яковлев И. Франклин Рузвельт – человек и политик. М.: Международные отношения. 1969. С. 198). Он четко разграничивал цели и средства, к последним и отнес инфляцию (Там же. С. 199).

Федеральная резервная система ввела в оборот 3 млрд бумажных долларов. Золотое содержание доллара уменьшилось на 50%. Финансовая политика «нового курса» Ф. Рузвельта позволила ему использовать денежную эмиссию для повышения заработной платы и доходов, восстановления прежде всего сельского хозяйства, а затем промышленности и других отраслей.

Вместе с тем эмиссионное финансирование антикризисных программ делало необходимым принятие мер по предотвращению развития инфляционных процессов. В этих целях была налажена система контроля за ценообразованием, повсеместно на рынке субъектов хозяйствования, объемами получаемой прибыли («разумной» прибыли), что повышало ответственность их перед потребителями штатов и государством. В частности, широко применялись механизмы борьбы со сверхприбылью. При ее определении проверялись не только отпускные цены, но и их калькуляции: завышения и приписки к затратам и издержкам по сравнению с минимальными рыночными рассматривались как незаконная сверхприбыль. Контролировались обоснованность договоров, отсутствие сторгов и другие стороны недобросовестного бизнеса. Сверхприбыль изымалась в административном порядке, на виновных накладывались штрафные санкции, возбуждались судебные дела, отнимались лицензии (Братичев И.М., Крашенинников С.И. Россия может стать богатой! М.: Издательский дом «Граль», 1999. С. 18–26, 27, 113).

жения не предусматривает никаких реальных мер контроля и регулирования денежных потоков по сферам экономики, такое перемещение предопределено только существующими макроэкономическими условиями. В этом, собственно, и состоит проблема – определить тот момент, когда далее такой рост вызывает напряжение в экономике, инфляцию, «перегрев», что в свою очередь и выдвигает необходимость реализации циклической модели экономической политики и реформирования.

В частности, в начале базисного пятилетия четко прослеживается тенденция довольно высоких темпов роста (1996 – первая половина 1998 г.), к концу же прогнозного периода мы наблюдаем замедление темпов социально-экономического развития. Особенности функционирования экономики в данный период свидетельствуют, что многие факторы, стимулировавшие экономический рост на первом этапе, в основном исчерпали себя. Это касается политики денежной экспансии, жесткого регулирования ценообразования, защиты отечественных товаропроизводителей. В сложившейся ситуации в качестве основных целей на 1999–2000 гг. были определены: достижение финансовой стабилизации реального сектора, укрепление национальной валюты, реформа системы ценообразования, а на этой основе поддержание устойчивого экономического роста и повышение уровня жизни населения. Однако эти задачи в 1999 г. реализовать в полной мере не удалось и темпы социально-экономического развития продолжали замедляться.

Прогноз социально-экономического развития Республики Беларусь на 2000 г. был разработан уже с учетом этих факторов. В результате стабилизированы темпы роста важнейших параметров развития страны, хотя она не вышла на отдельные показатели, в частности по снижению уровня инфляции, что связано с недостаточной согласованностью различных направлений экономической политики.

Вместе с тем период 1996–2000 гг. имеет решающее значение в социально-экономическом развитии Республики Беларусь, потому что он явился переломным этапом в преодолении глубоких кризисных явлений, происходивших вследствие развала СССР и проводимых с 1991 по 1994 г. либеральных реформ, и определил пути к устойчивому социально-экономическому развитию страны на перспективу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якутин Ю. Это не рынок // Экономика и жизнь. 1996. № 41. С.1.
2. Яременко Ю.В. Приоритет – структурно-технологическому обновлению народного хозяйства // Российский экономический журнал. 1994. № 1; Яременко Ю. Правильно ли поставлен диагноз? // Экономические науки. 1991. № 1.
3. Мэнкью Н. Грегори. Макроэкономика. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 251.
4. Стиглиц Дж. Многообразные инструменты, шире цели: движение к пост-Вашингтонскому консенсусу // Вопросы экономики. 1998. № 8.
5. Неллис Дж. Время переосмыслить приватизацию в странах с переходной экономикой? // Финансы и развитие (Международный валютный фонд, июнь 1999 г. Спец. выпуск).
6. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. Предисловие, составление И. А. Столярова. М.: «Эконов», «Ключ», 1993.
7. Кейзер М. Пути спасения от постсоветской инфляции и спада // Финансы и развитие (Международный валютный фонд, июнь 1999 г. Спец. выпуск).
8. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962.
9. Салех М. Нсули. Десятилетие преобразований: обзор достижений и предстоящих задач // Финансы и развитие (Международный валютный фонд, июнь 1999 г. Спец. выпуск).
10. Бруно М. Глубокие кризисы и реформа // Вопросы экономики. 1997. № 2.

